

АШИРА ХААН

Сишиқом
ХОРОШАЯ НЯНЯ

Ашира Хаан

Слишком хорошая няня

«Автор»

2024

Хаан А.

Слишком хорошая няня / А. Хаан — «Автор», 2024

Я высокооплачиваемый специалист и строю успешную карьеру. Детей мне заводить рано, отношения - некогда, да и не с кем. Все меняется в тот день, когда я нахожу потерявшуюся девочку и возвращаю ее суровому и властному отцу, который решает, что я буду отличной няней. От некоторых предложений очень сложно отказаться. Особенно, когда на тебя смотрят две пары глаз - заплаканные детские и холодные мужские... в которых мелькает что-то, что заставляет меня сказать "да". Возможно, я согласилась не только на непривычную работу...

© Хаан А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1	5
2	9
3	11
4	14
5	17
6	20
7	24
8	27
9	30
10	33
11	36
12	39
Александр/1	43
13	46
14	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ашира Хаан

Слишком хорошая няня

1

Маленькая девочка с белокурыми волосами и в чистеньком голубом пальто очень уж чужеродно смотрится среди толпы бомжей, собравшихся погреться у вентшахты метро.

Они прижимаются друг к другу, чтобы согреться – ноябрь уже немилосерден к тем, кто живет на улице и выглядят огромной мусорной кучей буро-серого оттенка. Полулежат на картонках, опираются на тележки, заваленные разномастным скарбом и подкладывают под голову рюкзаки, перевязанные веревками.

Девочка четырех-пяти лет со светлыми кудряшками и в светлю-голубом пальто так сильно выделяется, что я замедляю шаг.

И кудряшки, и пальто еще довольно чистые, в отличие от одежды ее соседей, и мне даже кажется, что я ошиблась – она тут не с ними.

Помню, в детстве бабушка любила пугать меня цыганами – они жили на окраине ее деревни в наспех сколоченных из фанеры хибарах. Все сплошь загорелые и чумазые. А я в детстве была светленькая, как эта девчушка.

«Украдут тебя, Ларчик, как есть украдут! – говорила бабушка. – Они очень светленьких любят!»

Эта малышка выглядит так, будто ее уже украли. Откуда вообще ребенку взяться среди бездомных? Может, она не с ними? Просто мамаша заболталась по телефону и не заметила, что дочка убежала? Но почему тогда она сидит на картонке, привалившись к стене с таким же безразличным и усталым видом, как и все остальные?

Я не успеваю додумать мысль, откуда здесь взяться маленькой девочке – светофор переключился на зеленый, меня толкают плечом, и я смешу на переход. Мысли как-то сами собой переключаются на грядущее собеседование, и о девочке я забываю. Противная мелкая морось летит в лицо, и перед тем, как войти в здание, я прячусь под козырьком парадной, чтобы быстро поправить макияж.

В стеклянные двери с названием компании я вхожу, уверенно улыбаясь и готовая к абсолютно любым, даже самым каверзным вопросам.

– Почему вы ушли с прежнего места работы?

Этого вопроса я ждала с самого начала разговора. Из такой компании, как у меня, сами не уходят. И с такой зарплатой лучшей доли не ищут.

Молодой человек в несвежей рубашке, имени которого я не запомнила, задает его с тайной надеждой на скандальные подробности. Не дожидается.

Мне, в принципе, уже с самого начала ясно, что ловить тут нечего, раз собеседовать послали одного эйчара, не пригласив никого из руководства.

Но я всегда дочитываю книги до конца и заканчиваю готовить блюдо, даже если вижу, что оно не получилось.

- Фирма релоцировалась в другую страну, удаленно работать становится все сложнее.
- Почему вы не переехали вместе с ними?
- Не захотела, – пожимаю я плечами и ловлю недоверчивый взгляд.

Наши переехали не в одну из ближайших стран – скромненько и бедненько. Наши перебрались в теплые края с бирюзовым морем и сильной экономикой. Перевезли семьи, домашних животных и получили неплохие «подъемные». Не эмиграция, а мечта.

Задумается даже тот, кто всю жизнь обнимал родные березки и даже в Турции не был.

– Я люблю Россию, – объясняю я. – У меня тут мама, бабушка, могила отца, в конце концов.

Улавливаю пустоту в его взгляде, вздыхаю и перехожу на более понятный ему язык:

– Круглосуточная доставка, дешевое такси, большие торговые центры. К тому же Петербург – один из красивейших городов мира, музей под открытым небом. Не хочется менять его на провинциальное захолустье, хоть и в пяти минутах от моря.

– Понятно... – молодой человек стучит карандашом по моему резюме. Ему уже тоже все ясно, но мы оба должны доиграть спектакль. Он пишет на полях несколько цифр и придвигает ко мне лист. – Вот столько можем вам предложить.

– Гм, – я изучаю получившееся число, поискав в нем потерявшийся нолик, и поднимаю на него глаза. – Это в два раза меньше моей прошлой зарплаты. В вакансии вилка была шире.

– Понимаете, Лариса, – молодой человек горбится и низко наклоняется над столом, словно от кого-то прячется. И понижает голос. – Вы же сами говорите, что не знаете никаких языков программирования. Умели бы вы кодить, я бы еще подумал. А в текущих условиях этот ваш деврел-менеджмент, все эти митапы, хакатоны, ивенты, сами понимаете, излишество. Нам не на конференциях надо коктейльчики пить, а впахивать, чтобы занять ниши ушедших крупных айти-игроков.

– Но я же... – начинаю, но вовремя понимаю, что это блюдо можно не доедать.

На обратном пути я перебегаю знакомый переход и снова кидаю взгляд на лужайку у вентиляционной шахты. Девочка все еще там.

За время собеседования дождь усилился, прохожие пораскрывали зонты и спешат домой, где их ждет горячий чай и теплый плед. Любая, даже самая плохая мать уже давно забрала бы ребенка домой. Или хотя бы увела от компании бомжей. Они же наверняка воняют, да и заразиться можно черт знает чем!

Я вновь бегу мимо, тоже торопясь домой к чаю и пледу, но на этот раз выкинуть увиденное из головы не получается.

Хотя я изо всех сил пытаюсь.

– Что сказали?

– Что я излишество! – жалуясь я Вике, своей лучшей подруге и прекрасной коллеге – увы, уже бывшей.

В отличие от меня, могилы предков и круглосуточные доставки ее в России не держат, и она с радостью переехала туда, где нет центрального отопления. Потому что оно там не нужно! И сегодня, пока я бегала по лужам в ботильонах, мечтая об оставшихся дома резиновых сапогах, она гуляла в сандалиях по берегу моря.

– Ты прекрасное излишество, тебя могут позволить только очень богатые и умные компании, – пытается утешить меня она. – Это комплимент!

– А ипотеку я тоже буду комплиментами платить? А маме помогать? Она, кстати, еще не в курсе, что я уволилась.

– Что ты сразу ипотеками кидаешься? – возмущается она. – Еще не все потеряно. Нам всего-то надо выяснить, сколько у нас компаний, просто-таки мечтающих обзавестись уникальным специалистом, которых в стране, дай бог, если пара десятков.

– Удивлюсь, если больше трех. Во все уже написала!

– Спорим?

Мы с Викой продолжаем обсуждать рейтинги крупных айти-корпораций, уход с рынка зарубежных компаний, перспективы развития игроков поменьше, и я привычно жонглирую фактами и статистикой, обдумывая, куда можно обратиться напрямую с предложением создать вакансию специально для меня. А из головы у меня все никак не выходит та девочка.

– Вик, слушай, я не про работу сейчас... – сдаюсь я наконец.

Дождь за окном усилился, и я никак не могу избавиться от картины того, как жметесь к вентиляционной шахте девочка в промокшем насквозь пальто.

Я рассказываю подруге о том, что увидела рядом с перекрестком и спрашиваю:

– Как думаешь, может, надо было подойти? Узнать, чья она? Может, потерялась? Может, ей помощь нужна?

Вика раздраженно цокает языком:

– Лар, вот вечно ты не в свое дело лезешь. Чем ты ей поможешь? Опекун вызовешь? Ты уверена, что в детдоме лучше, чем на улице с мамой? А?

– Не знаю, Вик... – я подхожу к окну и прислоняюсь коленкой к горячей батарее – сколько выдержу. Загадываю, что если больше трех секунд, то... Отдергиваюсь почти сразу. Топят у нас от души, за всех уехавших в края без отопления. – Но дело это мое.

– Лара!.. – патетически восклицает Вика, и я как наяву слышу звук закатывания глаз.

Но уже поздно.

Я приняла решение.

Потирая обожженную коленку, бросаюсь в прихожую. Не трачу время на то, чтобы переодеться из домашнего платья в джинсы – хватаю ключи, телефон и плюшевого зайца.

Я не большая любительница мягких игрушек, но этот заяц со мной лет с шести и я к нему очень привязана. Даже реву в его серый живот, когда совсем одиноко. Больше игрушек у меня нет, а я уверена, что детей надо подманивать чем-нибудь интересеньким, словно котят шуршащей бумажкой.

Такси вызываю уже из лифта.

2

В честь зарядившего ливня тариф на такси максимальный, но на метро было бы намного дольше. Не могу не думать о пальто, в которое одета девочка. Оно наверняка впитывает воду и еще долго будет тяжелым и холодным. Не заболеть будет чудом.

С другой стороны, я ведь могла ошибиться. Приеду сейчас на то место, а там никого нет. Что делать? Бегать по улицам и звать: «Девочка-а-а-а! Девочка в голубом пальто, ты где?»

В первый момент, когда я практически на ходу выскакиваю из такси, ситуация выглядит именно так. На нужном месте никого нет, только размокшие картонки в луже воды.

Но я оглядываю и вижу знакомую буро-серую шевелящуюся массу – под аркой одного из домов неподалеку. И девочка с ними. Держится чуть в стороне, но рядом.

Иду к ним, на ходу замечая, что на нее надета разная обувь. На левой ноге коричневый сапожок на молнии, на правой – порядком испачканный розовый кроссовок.

Да и пальтишко было застегнуто кое-как, не на те пуговицы.

Словно одевалась она впопыхах.

Выставляю перед собой плюшевого зайца, словно щит. Глупо, глупо, глупо – и девочка доказывает мне это, вскакивая и выбегая из арки под дождь, подальше от меня. Делаю к ней шаг – и она, как испуганный зверек, отступает ровно на то же расстояние.

Рядом заходится сухим кашлем укрытая мусорным пакетом женщина с опухшим лицом.

Не нахожу ничего лучше, чем спросить:

– Это ваша?

То, что это женщина, я понимаю только по отсутствию клочковатой неопрятной бороды, которой щеголяют все остальные из компании. А так они все одеты в бесформенные многослойные одеяния из курток, кофт, жилеток, шарфов, намотанных кое-как одеял.

– Не. Приблудилась, – хриплым басом отвечает собеседница и снова начинает глухо кашлять. – Кормим вот. Жалко же.

Девочка тем временем подходит чуть ближе, буквально на пару шагов, прислушивается. По всему видно, что она готова пуститься наутек в любую секунду.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, полуобернувшись к ней и не делая попыток подойти. – Сколько тебе лет?

Но девочка не отвечает и смотрит на моего зайца, которого я прижимаю к себе.

– Да она немая, наверное, – снова басом говорит женщина. – Мы спрашивали. Молчит на все.

– Сколько ж она тут с вами?

– Дня три... – равнодушно роняет она. – Или четыре.

– Три дня! На улице? И всем все равно? – Я уже забыла, что сама сегодня дважды прошла мимо. – Почему вы не обратились в полицию?

Бомжиха снова то ли кашляет, то ли смеется – сразу и не разобрать. Но хриплые каркающие звуки длятся так долго, что становится понятно – все-таки это смех.

– А ты поймай ее! – советует она мне. – К ней подходишь – она на дорогу выскакивает! Задавят – ты будешь виновата!

Мне кажется, что у полиции было бы больше шансов и дорогу перекрыть, и девочку догнать. Но, возможно, эта бездомная леди знает жизнь чуть лучше меня. Да и ей наверняка не хочется встречаться с представителями властей. Это даже я понимаю.

Замечаю, что девочка делает еще шагочек.

Мой заяц кажется теперь крайне идиотской идеей – приманивать ребенка, живущего несколько дней на улице, игрушкой? Надо было еды принести! И не только ей.

Но что ж делать...

Поворачиваюсь и все же протягиваю девочке зайца:

– Привет! Это заяц по имени Ой. Вообще, его звали Кроль, но я в шесть лет выговаривала только половину букв и получился Ой.

Девочка склоняет голову набок и смотрит на меня с любопытством.

И стоит на месте! Даже когда я чу-у-уточку качаюсь в ее сторону.

– Меня зовут Лара. В детстве я называла себя Лала, и ты можешь меня так называть. У меня были такие же кудряшки, как у тебя, – девочка внимательно слушает, и я понимаю, что надо продолжать говорить, неважно что, главное, не молчать. – Однажды мне рассказали тайну: все, у кого такие же светлые кудряшки – на самом деле настоящие феи и умеют перемещаться в волшебный сад. Там всегда накрыт стол с пирожными и фруктами и можно есть, сколько влезет!

Глаза у девочки загораются. Она переводит взгляд на свои кудряшки и даже дергает за локон, который мгновенно собирается обратно пружинкой.

– Для того, чтобы попасть в волшебный сад, надо... – я понижаю голос. – Кое-что сделать, но это секрет... – продолжаю я шепотом, и девочка делает шаг ко мне, чтобы расслышать, как следует.

Я пользуюсь моментом и одним прыжком преодолеваю расстояние между нами, подцепляя ее за мокрый капюшон пальто.

Все! Теперь не сбежит!

Она пытается дернуться, но я сгребая ее в охапку и прижимаю к себе вместе с зайцем.

Сердце колотится, как ненормальное. Я лезу в карман за телефоном и набираю короткий номер полиции.

3

Несмотря на поздний час, жизнь в полицейском отделении кипит. По сумрачным холлам, узким коридорам и крошечным кабинетам вышагивают с деловым видом мрачные мужики со стопками бумаг, трещат телефонные звонки, кто-то на кого-то орет, хлопают двери.

В тот единственный раз, когда я пыталась найти своего участкового, помню, что долго бродила по пустынным лабиринтам коридоров, не встречая ни одной живой души – только старые школьные стулья, пыльные стенды с образцами документов и полудохлые фикусы с уныло обвисшими листьями.

Может быть, я просто не вовремя его искала, надо было ближе к ночи, как сейчас? Полицейские как вампиры – оживают в темное время суток?

Нас с девчушкой, хоть и довели в одной машине, на месте попытались развести в разные кабинеты.

Однако стоило полицейским оторвать ее от меня, как она подняла такой визг, что поглазеть собралось все отделение. Внятного она до сих пор ничего не говорила, только хмуро смотрела исподлобья на молоденького сержанта, которого отрядили общаться с ребенком. Видимо, решив, что по возрасту он ей ближе. Но она даже головой не мотала, а то, что она хочет пить, догадались по неотрывному взгляду на кулер.

Выхлебав три стакана воды, она вцепилась в зайца, уперлась взглядом в пол и дальше ни на что не реагировала. Кроме попыток отнять зайца – тогда отделение услышало визг во второй раз. Так нас и оформляют – девочка сидит на стуле с зайцем в обнимку, я примостилась на облезлой банкетке рядом, держа ее за руку.

– Дайте хоть пальто с нее сниму, жарко же! – предлагаю я, ответив на очередную порцию вопросов и подписав десяток листочков.

Голова идет кругом, поэтому подписываю, не глядя, хоть и знаю, что это неправильно.

– Так вы были знакомы с девочкой? – спрашивают у меня в сотый раз. – Встречали ее раньше.

– Нет, говорю же, просто увидела среди бомжей... простите, бездомных лиц.

– Да ничего, мы тут не хипстеры, чтобы толерантненько выражаться, – машет рукой усталый грузный полицейский, который и задает мне большинство вопросов, записывая ответы аккуратным округлым почерком, на удивление разборчивым. – Или хипстеры уже устарели? Лех, чо скажешь?

– Устарели, – подтверждает сержант. – Теперь у нас зумеры.

– Ну вот... Так, значит, впервые видите девочку? А зачем тогда вы ей принесли игрушку? – привычно недоверчиво интересуется полицейский. – Вы всем встречным детям игрушки дарите?

– Ну я же говорю – мне показалось это ненормальным! – в очередной раз пытаюсь объяснить я, начиная понимать, почему мимо девочки прошли все остальные. Допросы в полиции – малоприятное занятие.

– Посмотрите, у нее там на одежде нет нашивок с именем, – советует он, глядя, как я выпутываю руки девочки из рукавов пальто. С зайцем это в пять раз сложнее.

– Неа, нет, – осматриваю воротник, подол, манжеты. Куда еще можно пришить метку?

Полицейский крикает и достает следующий лист бумаги, сразу заполняя ее мелкими теснящимися строчками текста, одновременно продолжая говорить.

– Мне мама в детстве на всю одежду метки пришивала. Заказывала в прачечной, была такая услуга. Очень полезная, кстати! Если бы я потерялся, меня бы сразу нашли.

– Сейчас GPS-трекеры используют, – вмешивается сержант. – Это удобнее.

– Ерунда это все! – машет рукой грузный. – Нам-то это как поможет? Родители что-то не спешат ее искать... Девочка же домашняя, видно, что из приличной семьи.

Дверь кабинета открыта, как и все двери здесь, и скоро я перестану обращать внимание на людей, которые то и дело заглядывают, перебрасываясь парой фраз с полицейскими, которые нам помогают. Пару раз мимо проводили задержанных – и все было в порядке, пока третьей не оказывается в дупель пьяная тетка, которая цепляется за стены и косяки и громогласно вопит:

– Я требую своего адвоката! Сволочи! Не имеете права! Твари! Отпустите грешницу! Я и так страдаю!

Девочка, только что пытавшаяся выковырять глаз из моего плюшевого кролика, вдруг вся сжимается и попыталась пригнуться, прячась за массивный стол.

– Та-а-ак... – полицейский смотрит на это с очень мрачным видом.

– Видимо, семья была не настолько приличной, – комментирую я. – Она знает, чего ждать от...

Машу в воздухе рукой, пытаюсь изобразить смутное ощущение неблагополучия, исходящее от девочки. Пальтишко ее хорошее и дорогое, кроссовки и сапожки непростого бренда. И все-таки она как-то оказалась на улице.

В кабинет заглядывает огромный амбал – размером с дверной проем четко:

– Сергей Вадимыч, тут снова привезли вашего любимчика, сейчас пока в камере, подойдете?

Даже я в первую секунду отшатываюсь. А вот девочка не обращает на него ровно никакого внимания, вновь возвращаясь к заячьему глазу.

– Ну хотя бы мужчин не боится, – комментирует Сергей Вадимыч. – Нет, Миш, попозже. Сейчас дела поважнее.

– Даже думать не хочу, почему она должна их бояться мужчин, – качаю я головой.

Тот бросает на меня грустный взгляд и возвращается к своим бумагам.

Под пальто на девочке оказывается криво застегнутая кофта, надетая поверх розового «принцессинского» платья из атласа и тюля. Такое ощущение, что одевалась она самостоятельно, без присмотра взрослых и впопыхах.

Я расстегиваю ее кофту, чтобы застегнуть нормально – и под закатанными рукавами на запястье нащупываю браслет.

– О! Смотрите! Смарт-часы! – радуюсь я. – Вот и GPS, и телефоны близких, все, как вы хотели!

Часы оказываются разряжены, и я понимаю, почему девочку до сих пор не нашли.

Но история близка к завершению – от финала ее отделяет только провод зарядки, который находится у сержанта в рюкзаке.

Я и не подозревала, как я ошибаюсь...

4

Поиски зарядки, подходящей к часам, заканчиваются успешно – спустя несколько минут их экран загорается, и сержант первым делом нажимает на кнопку SOS.

– Сейчас начнут дозваниваться экстренным контактам, – комментирует он.

– Не разбираюсь я в этой ерунде, – ворчит Сергей Вадимыч, продолжая заполнять бумаги. – Напиши ты фамилию, имя, отчество, адрес! Что за ерунда!

Умные часы пытаются куда-то дозвониться, но, похоже, безуспешно. Я сижу рядом с девочкой и, вытягивая шею, пытаюсь разглядеть, чем там занимается сержант. А он становится все мрачнее с каждой секундой.

– Не отвечают? – кричит Сергей Вадимыч. – Вот тебе и чудо-техника!

– Сейчас на следующий по приоритету будут звонить, – не сдается сержант. – Если он есть.

– Дина? Это ты? Дина, что случилось? – раздается вдруг раздраженный мужской голос, и сержант быстро достает из часов симку, вставляет в свой телефон. Тот моментально начинает звонить.

– Дай-ка мне, – говорит Сергей Вадимыч.

Он откашливается и даже выпрямляет спину, прежде чем взять трубку.

И не зря – из-под пылящего увальня с пузом и лысиной вдруг проглядывает суровый служитель закона, который зычным голосом чеканит фамилию-имя-отчество-должность-полное-наименование-госучреждения.

На меня бы произвело впечатление.

А вот на его собеседника, кажется, не очень. Я не слышу, что он говорит, но вижу, как меняется лицо Сергея Вадимыча.

– Дина – это ваша дочь? – уточняет он. – А вы-то где? Отделение полиции города Санкт-Петербурга, записывайте адрес. Да, сейчас дам ей телефон.

Девочка, только что обретшая имя, уже тянет руки к телефону, заливаясь слезами и уронив моего зайца на пол. Сержант вздыхает и подхватывает меня под локоть. Он сгребает со стола стопку бумаг и тянет меня в коридор.

– Все, дальше справимся без вас, – говорит он. – Вот тут подпишите. Вы нам еще можете понадобиться, так что никуда не уезжайте. Минутку, фото сделаю.

– Я больше не нужна? – растерянно спрашиваю я.

– Да, можете быть свободны, – чуть-чуть извиняющимся тоном говорит сержант.

Я подписываю несколько бумаг чуть ли не на весу. Только что я боялась, что задержусь тут на много часов – и вот меня уже практически выгоняют вон. На пути к выходу я проскакиваю мимо открытой двери кабинета, где маленькая Дина без слов рыдает в трубку телефона. Взгляд задерживается на плюшевом зайце, валяющимся на полу.

Ну что ж, друг, ты свою миссию выполнил. Спас еще одного ребенка.

Вернувшись домой, стаскиваю куртку, снимаю пижаму и заталкиваю в стиральную машинку, а сама залезаю в душ, чтобы избавиться от въевшихся в волосы казенных запахов. Почему-то мне грустно и одиноко, словно я сделала что-то неправильно.

Но это проходит.

Все проходит.

На следующие несколько дней у меня назначено еще нейсколько собеседований, и я крашу губы, надеваю яркий пиджак со строгими брюками и вновь и вновь пытаюсь объяснить, зачем крупным компаниям нужно такое «излишество», как я.

На этот раз разговоры проходят куда удачней – обе компании просят время на подумать и называют вполне приличные зарплаты. В одной из них даже есть расширенный ДМС, спортзал, компенсация дороги и прочие мелкие симпатичные плюшки.

Несмотря на то, что в айти-индустрии царит полный хаос, еще остались люди, которые строят планы, развиваются и никуда не собираются уходить из страны. Мы даже обсудили эту ситуацию с потенциальным начальником – и оказалось, что мы с ним на одной волне.

Так что я возвращаюсь домой воодушевленной и в прекрасном настроении, предвкушая, как сейчас буду обсуждать свои сияющие карьерные перспективы с Викой.

У моего дома, перегораживая подъезд к парадной, стоит огромный автомобиль. Я задерживаю на нем взгляд, потому что он необычный, двуцветный – крыша и капот черные, а бока серебристые. Огибаю его и вижу серебристую крылатую фигурку на капоте.

О! Это же «роллс-ройс»! И знаменитая богиня Ника, она же «дух экстаза».

Красиво!

Пассажирская дверь начинает медленно открываться, и я смущенно делаю вид, что вовсе не пялилась на чужую машину. Отворачиваюсь и делаю шаг к двери парадной.

– Лариса Михайловна Городецкая? – летит в спину низкий мужской голос с раздраженными нотками.

Это про меня.

Удивленно оборачиваюсь.

Пассажир роскошного автомобиля опускает ногу в блестящем ботинке прямо в лужу. К счастью, неглубокую. Но все равно как-то неловко за наш двор.

Но из машины он не выходит.

Лицо в полутьме автомобиля плохо видно, только резкие будто вырезанные из камня черты, которые складываются в хмурую маску. И сияющий треугольник рубашки в воротах пиджака, разбитый на части темным галстуком.

Зато с другой стороны машины из салона вылетает моя знакомая потеряшка – Дина!

Она без сомнений пробегается по луже и с визгом виснет на меня, так что я пошатываюсь.

– Лала! Лала! – бормочет она, зарываясь головой в мой живот и отворачиваясь от машины.

Я поднимаю взгляд на мужчину в машине. Он смотрит на нас так, словно у него болит зуб. Давно и сильно.

– Садитесь в машину, Лариса, – говорит он с явным неудовольствием. – Меня зовут Александр, я отец Дины. Вы ведь искали работу, я не ошибаюсь? Я беру вас няней.

5

От неожиданности начинаю смеяться.

Но мужчина потрясаясь серьезен.

Нет, правда? Няней?

– Для начала, добрый день, – говорю я, продолжая улыбаться. – Как вас зовут?

– Александр, – роняет мужчина. И добавляет после весомой паузы: – Владимирович.

– Так вот, Александр Владимирович, вы совершенно правы. Я ищу работу. Но вполне конкретную, а не любую работу, понимаете?

Что делать с девочкой, я не понимаю. Она жметя ко мне, тычется головой в живот, и я кладу руку ей на макушку.

Александр Владимирович морщится, глядя на нас. Не нравится, что я трогаю его дочь? Недоволен моим ответом? Или действительно зуб болит.

– Садитесь, – снова говорит он. – Обсудим.

– Не думаю, что тут есть, что обсуждать, – честно признаюсь я. – Няней я точно не пойду.

– Почему? – вдруг спрашивает он, и я даже теряюсь.

– Потому что я специалист в области айти с хорошим резюме, у меня нет педагогического образования и склонности к работе с детьми?

– Образование для этого не нужно.

– Вы меня не слышите, – вздыхаю я.

– Это потому что вы далеко. Садитесь в машину, тут удобнее разговаривать.

Похоже, этот мужик из тех, что «будет по-моему или никак». Ну вот в данном случае – точно никак. Хотя, признаюсь, сопротивляться такому давлению мне сложно.

Помогает то, что предлагает он реальную дичь.

Где я и где дети?

Он быстрее уговорил бы меня уборщицей работать, ей-богу, там я хоть что-то умею.

– Тут нет темы для разговора. Вообще ни одной, – твердо говорю я, поглаживая девочку Дину по голове. Неужели она ко мне прониклась такими нежными чувствами только из-за того, что я притащила ее в полицию? Я бы скорее испытывала нечто противоположное.

– Вот повод, – говорит Александр Владимирович, указывая на дочь.

– Почему?

– Потому что единственное слово, которое она произносит с того момента, как я ее забрал из полиции – Лала. Я так понимаю, Лала – это вы. Я навел о вас справки, вы мне подходите.

– А вы мне?

Это уже переходит все границы! Вот где-то сейчас уже пора отцепить от себя чужого ребенка, каким бы он ни был милым, развернуться и уйти домой. И мой собеседник тоже чувствует изменившееся настроение.

Он выходит из машины, безжалостно пачкая и второй сияющий ботинок. Но остается стоять рядом, глядя на меня оценивающим взглядом.

Высокий, мощный, широкие плечи слегка натягивают костюм, словно он подкачался с момента, когда купил его. Или сшил. Наверное, такие мужчины из «роллс-ройсов» костюмы шьют на заказ.

– Лариса Михайловна... – начинает он низким усталым голосом, словно ему приходится не в первый раз объяснять очевидные вещи. – Понимаете, это бессмысленный спор, который все равно завершится тем, что вы согласитесь. Давайте сократим этот этап, у меня нет времени. Готов выслушать ваши условия работы у меня.

Качаю головой улыбаясь. До чего упрямый тип!

– Мои условия, – говорю я ему в тон. – Крупная айти-компания из первой десятки рейтинга, ДМС и соцпакет, интересные мне проекты и идеи, перспективы карьерного роста. Зарплата обозначена в моем резюме. Опыт вы можете увидеть там же. Как и должность, на которую я претендую.

Александр Владимирович всерьез задумывается. Он не играет, он действительно размышляет. Я немного разбираюсь в людях, это необходимое условие моей работы.

Поэтому меня так шокирует следующее его предложение.

Потому что он серьезно.

– Оформляю вас по трудовой в компанию номер один в рейтинге. Вписываю в свою медстраховку – поверьте, это лучше ДМС. Вместо карьерного роста – зарплата в два раза выше ваших ожиданий, – Александр делает паузу в один вдох и продолжает, не меняя делового тона: – Садитесь в машину, Лариса. Дождь начинается. И вы все равно уже торгуетесь, а там это делать удобнее.

В лицо действительно летела мелкая противная морось того сорта, который я ненавижу в ноябре сильнее всего. Хороший повод пойти уже домой. И отправить девочку Дину в папину машину, потому что куртка на ней была непромокаемая, а вот шапки не было.

– Александр, – снова скопировала я его деловой тон. – Давайте остановимся на том, что я не хочу работать няней. Только деврелом.

– Я не знаю, кто это, – равнодушно отозвался он.

– Вот видите!

– Садитесь, пожалуйста, – он открыл пошире дверцу машины. – Лариса, я серьезно. Моя дочь чудом не заболела во время пропажи. Мы же не хотим, чтобы это все-таки случилось из-за вас?

И хотя я понимаю, что он попросту манипулирует ребенком – это работает.

– Хорошо! – сквозь зубы говорю я. – Но это исключительно ради Дины!

Александр серьезно кивает и придерживает дверь, пока я сажусь в машину. Дина обегает автомобиль и забирается в детское кресло на другой половине сиденья. Александр закрывает за мной машину, помогает пристегнуться дочери, а сам садится на переднее.

Мягко щелкают замки, и «роллс-ройс» плавно двигается с места.

– Эй! – возмущаюсь я. – Куда! Мы об этом не договаривались! Остановите машину!

Я стучу по спинке переднего сиденья, но седой мужчина на месте водителя как будто вообще меня не слышит.

– Перестаньте кричать, – говорит Александр невозмутимо, не поворачиваясь ко мне. – Вас никто не похищает.

– Тогда как это называется?!

– Переговоры, Лариса Михайловна. Это называется – переговоры.

6

Пока я подбираю слова, чтобы достойно ответить на наглость Александра, Дина открывает подлокотник кресла, достает из встроенного холодильника бутылочку с яблочным соком и отпивает несколько глотков, а потом, спохватившись, протягивает ее мне.

Мда. Я едва замечаю окружающую меня роскошь, потому что сижу как на иголках.

Таких напряженных переговоров о работе у меня еще не было.

– Итак, Лариса, расскажите, кто такой этот ваш деврел, – говорит Александр, поворачиваясь ко мне. – Может быть, я действительно был неправ. Может быть, и мне в компании нужен такой специалист.

Вот это прямо не в бровь, а в глаз. Это тот вопрос, на который я отвечаю даже чаще, чем на «а когда замуж» на семейном застолье.

– Если коротко, – говорю я. – То это маркетолог в айти. Тот человек, который создает имидж компании среди разработчиков. Чаще всего я говорю, что я – Мэри Поппинс для программистов. Я их развлекаю, утешаю, уговариваю попробовать что-нибудь новое. В общем, специфическая профессия для быстро развивающихся айти-компаний. У вас такая?

Александр игнорирует мой вопрос. Он поднимает брови и с легкой иронией интересуется:

– То есть, вы справляетесь с толпой айтишников и при этом утверждаете, что не справитесь с одной маленькой девочкой?

– Я просто не няня! У меня нет нужных качеств для этого! —

– Ну как же нет, Лариса? Вы только что назвали себя Мэри Поппинс. Это идеальная няня, если я правильно помню детскую классику.

Открываю рот... и закрываю обратно.

Вот это я молодец. Сама себя загнала в ловушку.

– Да... – растерянно говорю я. – Но это же не дети! Да и зачем вам именно я? На мою зарплату можно семь няnek взять!

– У семи няnek дитя без глаза, помните? – Александр даже шутит с недовольным выражением лица. – Я уже пробовал. Мы отсмотрели десяток няnek. Самых лучших. Я переманил даже няню одной наверняка известной вам звезды.

– Неужели ни одна не подошла?

Александр вздыхает и отворачивается.

Некоторое время смотрит на дорогу, которая несется нам навстречу. Теперь я знаю, чем хорош «роллс-ройс» – пока мы выбирались из моего района, я не почувствовала ни одной кочки, хотя когда таксисты везут меня вечерами домой, они вытряхивают всю душу.

– Александр? – напоминаю я о себе.

– Она вопит так, словно увидела сатану, – отзывается он. – Мне кажется, ее в этот момент слышит полгорода. Человеку невозможно это выдерживать. Одна из няnek, та самая, звездная,

предложила не обращать внимания, мол, когда-нибудь ей надоест. Она сдалась через десять минут.

Все это время молчаливо сидящая рядом Дина тянется ко мне, хватая за локоть. Задирает голову и смотрит светлыми глазами. Очень серьезно смотрит.

– Дина говорит только одно слово – «Лала». И носится с вашим зайцем, как ненормальная.

– В смысле, одно слово?! – дергаюсь я. – Ей же лет пять?

– Пять с половиной. И раньше она нормально разговаривала, но после... пропажи она говорит только ваше имя, Лариса.

– Вы показывали ее врачам и психологам?

Александр снова поворачивается ко мне, несколько секунд пристально изучает мое лицо. Глаза у него такие же светлые, как у Дины, но взгляд тяжелый, неуютный. Хочется ерзать на сиденье, а лучше – куда-нибудь сбежать.

– Лариса, – говорит он раздраженно. – Я выгляжу идиотом? Конечно, показывал.

– И что они говорят?

– Что у нее психологическая травма, но вполне обратимая. Просто надо этим заниматься. Но к психологам и врачам ее нужно водить. У меня нет на это времени. Поверьте, я очень люблю дочь, но есть действительно серьезные проекты, на которых я незаменим.

– Не можете взять отпуск даже ради любимой дочери?

Я понимаю, что лезу не в свое дело, но мое «похищение» это тоже серьезное нарушение границ, так что в ответ я могу не стесняться.

Тяжелый взгляд вновь придавливает меня к роскошному сиденью «роллс-ройса».

– Вы бы сказали так президенту, допустим? Что там страна, давай отпуск на пару месяцев возьмем, чтобы сидеть под дверями кабинетов? Я готов найти лучших специалистов в стране ради Дины и заставить их работать на себя. Это принесет гораздо больше пользы.

– Если вы ее так любите, как она оказалась на улице? – не выдерживаю я. – Вы сами создали эту травму, так вам и справляться!

Александр вновь молча отворачивается.

На этот раз пауза длится куда дольше, и я успеваю заскучать.

За окном однотипные многоэтажки моего района сменяются на историческую застройку центра, автомобиль едет по людным улицам, и я всерьез рассматриваю идею выскочить на дорогу и сбежать. Когда «роллс-ройс» притормаживает на светофоре, я дергаю ручку двери – но она, конечно, заблокирована.

– Пожалуйста, не надо, – говорит Александр. – Я не буду удерживать вас насильно. Мне просто нужна была возможность спокойно пообщаться. Если не договоримся, водитель отвезет вас обратно.

– Мы, вроде, все уже обсудили? – непонимающе говорю я.

Он снова тяжело вздыхает и поворачивается:

– Это мой последний козырь, Лариса. Несколько дней никому не было дела до Дины. Вообще никому. Даже ее матери. Так уж получилось, что в этом городе только вам стало не все

равно. И она это тоже понимает. Вы видите, какая она сейчас спокойная? Улыбается? Все эти дни после возвращения она либо сидела, глядя в пространство и обнимая этого проклятого зайца, либо плакала. Когда я сказал, что мы едем к ее «Лале», она оказалась в машине мгновенно, даже зайца вашего забыла. Вы понимаете?

– У нее есть мать? Где она была, когда Дина потерялась? И где были вы?

Александр морщится, словно от боли. Нет, видимо, его не зуб беспокоит.

– Давайте отложим эту тему, Лариса, – говорит он неохотно. – Когда мы договоримся, я вам все расскажу. А пока давайте обойдемся без упреков. Я не люблю искать кто виноват. Меня больше волнует вопрос, что делать.

– И что же вы делаете? Переваливаете свою проблему на меня?

Александр качает головой и разворачивается к дочери:

– Дин, будешь яблоко?

Она энергично кивает, и он бросает ей в ладони огромное зеленое яблоко, в которое та вгрызается с сочным хрустом.

– Все эти дни, Лариса, моя дочь отказывалась есть, – говорит Александр, глядя на нее. – Удавалось уговорить только на фруктовое пюре и то после пары часов истерик. Я не переваливаю проблему, я решаю ее. Если она ест, улыбается, радуется только в вашем присутствии – значит мне нужны вы.

– Но это не мое дело, Александр! – в отчаянии всплескиваю я руками.

Этот мужчина вообще способен принимать отказы?

– Ваше, – спокойно роняет он. – С того момента, как вы к ней подошли.

– Доброта не остается безнаказанной?

– Совершенно верно, – кивает он. – Вы не прошли мимо Дины и тем самым взяли за нее ответственность. Вы же не бросите ребенка?

– Александр! Это совсем уж грубая манипуляция!

– Зато рабочая, – говорит он, и я понимаю, что дальнейший разговор бесполезен.

– Я отказываюсь! – говорю я и скрещиваю руки на груди.

Александр молчит.

Дина грызет яблоко.

«Роллс-ройс» едет по Невскому, то и дело застревая на светофорах.

Я строю планы, как сейчас попрошу высадить меня у «Зингера» и пойду куплю себе в утешение пару книжечек, чтобы успокоить нервы после самого стрессового собеседования в своей жизни.

– Лариса Михайловна, – снова начинает Александр, и я внутренне вою. – Давайте так. Вы проработаете у меня до тех пор, пока мы не найдем другую няню, которую Дина примет. С вами это будет проще. Мне нужно, чтобы дочь была спокойна и ходила к врачам. Давайте ограничим срок предложения. Вы работаете три месяца, получаете в три раза больше вашей зарплаты, а когда мы расстанемся, я даю вам рекомендацию в любую компанию на ваш выбор. Поверьте, моя рекомендация – это золотой билет.

Не могу поверить, но я...

Всерьез рассматриваю его предложение.

Три месяца. Деньги, которых хватит на хороший ремонт, а я давно собиралась привести свою квартиру в нормальный вид. Рекомендация.

Дина стучит меня по плечу, я поворачиваюсь, она протягивает мне огрызок яблока и говорит:

– Лала...

– Лара, малышка, я Лара... – говорю я, забирая у нее огрызок. Вздыхаю: – Господи, я ненормальная.

– Значит, договорились! – Александр протягивает мне ладонь для рукопожатия, и я вкладываю в нее огрызок.

– Договорились... – упавшим голосом говорю я, пытаюсь понять, как ему это удалось. – А теперь везите меня домой.

– Я и везу, – говорит Александр, брезгливо рассматривая огрызок.

– В смысле? – не понимаю я.

В этот момент автомобиль сворачивает в переулок и останавливается.

Дина начинает выкарабкиваться из кресла, водитель выходит и огибает машину, открывая дверь с моей стороны.

– Я не упомянул? – говорит Александр. – Жить вы будете с нами.

7

Квартира Александра оказалась в Золотом Треугольнике Петербурга – самом шикарном районе города. Внутри трех его сторон – Дворцовой площади, Фонтанки и Невского – располагается куча достопримечательностей: Эрмитаж, Спас на Крови, Марсово поле, Михайловский замок. А еще – гостиницы, рестораны и, разумеется, квартиры. В старых, но еще крепких домах, каждый из которых может похвастаться интересной историей.

Дом, в котором обитал Александр, выделяется даже среди этих домов с историей. Это оказывается Писательский небоскреб – дом, где расположен музей Зощенко, где во время Блокады жила Ахматова и обитало огромное количество других писателей, которым когда-то и выделили тут квартиры.

В парадной тут стоят статуи, на подоконниках колосятся цветы, а сама квартира, куда мы приходим по длинному запутанному коридору – разветвленный и запутанный лабиринт с множеством комнат.

– Дина! – гаркает Александр, едва мы заходим в прихожую. – Руки мыть быстро!

Девочка, едва успевшая стянуть сапожки, пулей мчится куда-то вглубь коридоров, а я с упреком смотрю на ее отца. Она сама недавно скиталась на улице, и не по своей вине. Совершенно нет необходимости так ее строить.

Оборачиваюсь, чтобы ему об этом сказать и вижу минуту слабости Александра Владимовича. Этот огромный суровый мужик с вечно недовольным лицом стоит посреди прихожей все с тем же огрызком яблока в руках и явно не знает, куда его деть. Положить на столик под зеркалом? В карман? Отдать обратно мне?

Его рука дергается в такт каждому варианту, который проносится в его голове и явно рисуется на лице, и мне становится его жаль.

Я уже сняла ботильоны, поэтому просто забираю у него огрызок, прохожу в огромную кухню-гостиную, разделенную на зоны плиткой и паркетом, и выбрасываю его в мусор.

Оборачиваюсь и врезаюсь прямо в грудь Александру, который последовал за мной, не снимая ботинок, но так тихо, что я его не заметила.

– Откуда вы знаете, где тут мусорное ведро? – спрашивает он с подозрением.

– У большинства людей оно под раковиной, – пожимаю я плечами.

– Хм... – он останавливается, обдумывая эту мысль. – И то верно...

Пока Александр раздевался, я прогулялась по обозримой части квартиры, немного опасаясь забираться далеко, чтобы не заблудиться. В квартире была видна женская рука – подушечки, занавесочки, нежные обои, статуэтки, цветы.

– Тут кто-нибудь знаменитый жил? – начинаю я издалека. – Писательский дом же.

– Не знаю, – пожимает плечами Александр. – Я не интересовался. Это бывшая коммуналка. Сначала ее разбили на три разные квартиры, потом соединили обратно.

– Можно, наверное, погуглить?

– Наверное.

Он пожимает плечами. Явно видно, что история дома его интересует мало.
Зачем тогда он тут живет?

Ах да, вид на канал Грибоедова!

Я оценила – и Итальянский мостик, и корпус Бенуа, и, если высунуться, наверняка и Спас на Крови увижу.

Но это потом. Сначала – главный вопрос.

– Так что, Александр, с матерью Дины? Раз уж я согласилась – рассказывайте.

Он тоже подходит к окну, встает рядом, но каналом не любит, а со вздохом трет ладонью лоб. Уже было открывает рот, но...

– Лала! – из глубины квартиры прилетает Дина, уже успевшая переодеться, виснет на мне и задирает мордашку, глядя восторженными глазами. – На!

Протягивает мне моего зайца. Я прижимаю его к себе и смаргиваю слезы с век. Бедная малышка. Я еще не знаю ее историю, но уже понимаю, что простой она не будет.

– Лариса Михайловна... – начинает Александр, но я обрываю его.

– Можно просто Лара? Я не врач и не преподаватель. Мне так комфортнее.

– Хорошо, Лара, – кивает он. – Тогда для вас просто Александр. Впрочем, вы и так... Я, честно говоря, живу тут только последние несколько дней. С тех пор, как сорвался из Москвы по звонку Дины. Вообще не имею понятия, где тут что, как с ней себя вести, что делать. В том числе поэтому вы мне и нужны тут постоянно.

Оглядываю гостиную.

Она производит странное впечатление роскоши вперемишу с заброшенностью. Диван явно дорогой, но на обивке жирные пятна. Кофейный столик в виде дружи кристаллов весь в кругах от чашек и бокалов. Засохшие цветы на давно не мытом окне. Криво висящая картина и под ней на расписном столике лампа с расколотым абажуром.

– Нет, Александр, – мотаю я головой. – Я уже вам сказала, что на проживание не согласна. Категорически.

– Я вас услышал, – серьезно кивает он. – Значит, вас будет привозить шофер. Но все-таки иногда нужно будет оставаться на ночь.

Он говорит это с такой же уверенностью, с какой утверждал, что я все равно соглашусь. И я согласилась!

Но почему-то сейчас меня это бесит.

– Извините, пожалуйста, Александр, что я вмешиваюсь не в свое дело... Хотя теперь оно и мое тоже. Но мне все-таки кажется, что вы рановато планируете личную жизнь! Если вы не жили раньше с Диной, для вас приоритетом должно быть налаживание с ней отношений, а не ночевки... Непонятно с кем.

Я проглатываю большинство ехидных комментариев и стараюсь звучать строго и профессионально. Но, боюсь, получается плохо.

Александр смотрит на меня с удивлением:

- Лара, я не личную жизнь планирую, а дедлайны.
- Дедлайны запланировать нельзя!
- Запланировать можно все, – твердо говорит он.

Я только развожу руками – таких людей я тоже встречала.

Мне ужасно становилось их жаль, когда все планы разбивались вдребезги, и приходилось жить в условиях вечно меняющейся реальности. Они либо быстро меняли свои убеждения, либо ломались.

– Тогда я бы попросила предупреждать меня заранее о ваших ночных «дедлайнах» и задержках, – говорю я, руками показывая кавычки к слову «дедлайн».

Потому что он меня не убедил.

Нет никакой необходимости ночевать на работе, когда у тебя маленькая дочь дома.

– Зачем? – спрашивает Александр недоуменно. – У вас же нет мужчины, я узнавал.

8

Сказать, что я офигеваю – значит не сказать ничего.

– Откуда вы вообще это знаете? – ахаю я. – И какого черта...

Не договариваю, потому что просто задыхаюсь от возмущения.

– Вас, разумеется, пробили по всем базам, – спокойно говорит Александр. Он будто не замечает того, как я киплю. – Последние пять лет точно. Почему вы не замужем, Лара?

Гораздо интереснее вопрос, почему я опять чувствую себя, как на семейном сборище по поводу чьей-нибудь свадьбы или похорон.

«Когда замуж-то, Ларка?»

«Не завела еще детишек?»

«Опять одна?»

Сначала я орала в ответ, потом ехидничала, потом пробовала по очереди все советы из интернета для подобных ситуаций.

Теперь отвечаю коротко:

– Это не ваше дело.

К сожалению, Александр – не мои родственники, которые тут же переключаются после этого ответа на тему: «Ларка зазналась и охамела».

– Теперь мое, – говорит он. – Я должен знать, что не так с человеком, которому доверяю свою дочь.

– Пфффф! – выдыхаю я. – Тогда я увольняюсь! Найдите другую няню, замужнюю и с выводком детишек!

Александр морщится. Теперь я понимаю, что зубы у него не болят. Просто я ему не нравлюсь, но он вынужден меня терпеть.

– Лара, давайте договоримся, – говорит он раздраженно. – Мы еще подпишем официальный договор, по которому вы не сможете уволиться вот так, в одночасье. Но в нем всего не предусмотреть. Поэтому я прошу вас – постарайтесь обойтись без этих вот женских истерик. У меня на них аллергия.

Я бы тоже могла рассказать о том, на что у меня аллергия в Александре.

Но мне платят мою отнюдь не маленькую зарплату на работе не за раздувание конфликтов, а как раз наоборот. Поэтому я беру себя в руки и отвечаю:

– Кроме семейной жизни у девушек может быть много других интересных занятий по вечерам.

– Каких? – удивленно спрашивает Александр.

– Вы серьезно?

– Вполне.

– Концерты, кино, балет, опера, музеи, экскурсии. Книжку почитать. На лыжах в лес сходить. В конце концов, просто выспаться и побыть одной.

– Это не мешает личной жизни, – гнет свое мой упорный работодатель.

Точно надо с тетей его познакомить. Она абсолютно уверена, что без мужчины женщина – неполноценное существо. Они найдут общий язык.

– Это ответ на вопрос, зачем предупреждать меня заранее, что вы задержитесь или не придете на ночь, – поясняю я. – Чтобы я успела сдать билеты. А почему у меня нет личной жизни – все еще не ваше дело. Эта тема закрыта. И вы все еще должны мне ответ на вопрос про мать Дины. И вообще про то, как она оказалась на улице. Это точно мое дело! – повышаю я голос, заметив, что он снова поморщился и открыл рот, чтобы прервать меня. – Врачи будут задавать вопросы, да и я должна понимать, что происходит с вашей дочерью и почему она шарахается от пьяных женщин!

На последних словах Александр уже не просто морщится. Он кривится так, будто раскусил кислый леденец.

Он молча трет лоб кончиками пальцев и наконец говорит со вздохом:

– Давайте сначала поужинаем, Лара. А потом поговорим об этом. Я заказал еду, должны привезти с минуты на минуту.

В этот момент начинает звонить телефон Александра, который он выложил на круглый стол, накрытый льняной скатертью.

– Слушаю, – говорит он таким голосом, что сразу хочется попрощаться. – Да, я понял. Где вы стоите? Возле какого дома? Вы читали примечания к адресу? Да, я понял, что на набережной, где конкретно?

Александр подходит к окну и пытается там кого-то высмотреть.

Дина сажает зайца среди подушек в центре дивана, кладет ему поближе пульт от телевизора и хватает меня за руку.

– Что ты хочешь? – шепотом спрашиваю я.

Она мотает головой, улыбается и тянет меня из комнаты.

А мне интересно дослушать, чем кончится общение Александра с курьером. Потому что тот как-то совсем жестоко тупит.

– Да, набережная Грибоедова, девять! Это мой адрес. Нет, в арку вам не надо. Выйдите на улицу. Вышли? Что вы видите? Вы снаружи арки? Она перед вами? Вы видите справа супер-маркет? Нет, я же говорю, в арку не надо.

Чем дальше, тем спокойнее становится голос Александра. Смотрю на него с удивлением. Я обычно наоборот – к этому моменту уже раздражаюсь, а потом начинаю орать.

– Вы видите арку перед собой? А магазин справа? А железную дверь справа от магазина? Да, это нужный вам адрес, все верно, Грибоедова, девять. Нет, через арку вы не попадете ко мне.

Этот мужчина умеет быть терпеливым. Ставлю ему плюстик и иду за Диной.

Она приводит меня в свою комнату.

Здесь намного уютнее, чем в той части квартиры, которую я успела увидеть. Желтые обои, мебель из светлого дерева, легкие занавески цвета первой листвы – даже в питерском ноябре кажется, что в комнату заглянуло летнее солнце.

Кровать под белым балдахином, письменный стол, стеллажи с книгами, диван, заваленный игрушками, мягкий ковер на полу – все очень гармонично и спокойно, никаких ядовито-розовых оттенков «для маленькой принцессы». Или девочки начинают хотеть жить в домике Барби лет с десяти?

Ох, я совсем не знаю...

Никогда не имела дела с маленькими детьми. У меня есть брат, но – старший.

Чем вообще интересуются дети в пять лет? Во что играют? Что читают? Что умеют? Что едят, в конце концов!

Сумасшедшая затея – сделать меня няней.

Кроме гугла, у меня никакой информации о детях.

Кстати, домик Барби тут все-таки есть. Роскошный трехэтажный особняк выше головы Дины... был. Потому что сейчас он безжалостно смят, будто на него наступила Годзилла. Из-под обломков торчит голова Кена с белозубой улыбкой.

– Что с ним случилось? – спрашиваю я Дину, которая прижимается к моему боку.

Она прячет лицо и что-то невнятно бормочет.

– Что ты говоришь? – я присаживаюсь на корточки и ставлю ее перед собой. – Я не понимаю. Кто это сделал?

Она смотрит на меня, не по-детски кусая губы и явно сдерживая слезы.

А потом опускает голову и говорит второе слово, которое я от нее вообще слышу:

– Мама...

9

Теперь я совсем иначе смотрю на эту квартиру.

Отколотый абажур, вспухшие на лакированной поверхности стола горелые пузыри, густо-бордовое пятно на ковре, глубокие царапины на паркете... Все это поначалу не замечаешь, принимаешь за признаки обычной жизни с маленьким ребенком, который разбил, поцарапал, опрокинул – ну не беда, станет постарше, тогда и ремонт можно сделать.

А теперь я подозреваю, что причины могут быть не в детских шалостях.

Этот кукольный домик выглядит так, как будто на него упал кто-то взрослый.

Раздается звонок в дверь, и я слышу, как Александр разговаривает с курьером. Значит, нашел, справился. Иногда я думаю, что Санкт-Петербург – это такой специальный ад для курьеров, куда они отправляются, если медленно доставляли заказы в нормальных городах.

Когда половину ночи ты просто не можешь попасть из одной части города в другую, когда с одной стороны дороги одна улица, а с другой – другая. Когда в одной парадной квартиры 1-2-3-4-5-166-50-51-52, а в другой 20-21-22-14-87. Когда на втором этаже длинный коридор идет от черной лестницы до лифта, а на третьем – разделен пополам стеной.

В некоторых квартирах – бывших коммуналках, соединенных заново, как у Александра, бывает две двери с разными номерами квартир, а некоторые квартиры соединены из разных кусков коммуналок.

– Лара? – Александр заглядывает в детскую. – Давайте я вам покажу вашу комнату.

– Мою комнату? – удивляюсь я. – Но, Александр...

– Да, мы договорились, я помню, – раздраженно отвечает он. – Однако вам нужно место, где вы будете оставлять свои вещи, переодеваться и ночевать, когда это понадобится.

Мы проходим мимо приоткрытых двойных дверей, и я бросаю туда любопытный взгляд. Похоже, это хозяйская спальня. Но в ней сейчас разруха: матрас стоит у стены, ламели кровати наполовину разобраны, с потолка на проводах свисает световая панель.

Где же тогда ночует сам Александр?

Гостевая комната оказывается довольно уютной, хоть и безликой: двуспальная кровать с покрывалом фисташкового цвета, шкаф для одежды, телевизор, письменный стол и даже небольшой диванчик у окна, выходящего на набережную канала.

Пожалуй, я бы не отказалась пожить тут недельку-другую.

Только без условия присмотра за маленьким ребенком с психологической травмой.

– Тут уютно, – говорю я Александру. – Спасибо.

Он снова морщится, словно даже моя вежливость ему поперек горла.

– Идемте ужинать, – говорит он. – Еду уже привезли.

Александр снял пиджак и галстук, оставшись в одной рубашке с закатанными рукавами. Руки у него мощные, покрытые темными волосами, на запястье золотые часы, а на правой руке – отчетливый след обручального кольца, словно он носил его много лет и только недавно снял.

В тапочках и в роли домашнего хозяина, раскладывающего еду из коробок по тарелкам, он выглядит вовсе не таким грозным.

– Вы будете ризотто или лазанью? – спрашивает он, взвешивая в руках две тарелки. – Есть еще баклажаны с сыром и брускетты.

– Ризотто подойдет, спасибо, – говорю я, забирая тарелку.

Перед Диной, которая без возражений устроилась за столом – ну просто золотой ребенок! – стоит тарелка с картошкой фри и сосисками. Она смотрит на них без энтузиазма. Даже вилку не берет, просто смотрит. И косится в мою сторону.

– Не хочешь это? – спрашиваю я ее вполголоса.

Она смотрит на меня жалобным взглядом и мотает головой.

– Яблоко?

Она снова мотает головой.

– Йогурт?

Снова мотает и опускает взгляд в тарелку.

– Скажите, Александр, – говорю я уже громче. – А чем мы Дину будем кормить? И как?

– В смысле, как? – хмурится он, приподнимаясь со стула. – Я не знаю. Она опять не ест? Давайте достану фруктовое пюре.

Дина мотает головой так, что светлые кудряшки разлетаются в разные стороны.

Александр медленно садится обратно и смотрит на дочь с такой растерянностью, что у меня щемит сердце от того, что этот могучий и властный мужчина бессилен перед упрямством маленькой девочки. Тут он не может никого запугать, убедить, купить, переспорить.

Она не хочет – и точка.

Не насильно же впихивать в нее это пюре?

– Дина, а что ты любишь? – пытаюсь зайти с другой стороны я. – Картошку не любишь? Сосиски тоже?

Она смотрит на меня исподлобья. Понимаю – вроде бы один раз уже ясно сказала, зачем повторять этим глупым взрослым?

– А пирожки любишь? С яблоками? И капустой? – предлагаю я.

Не имею ни малейшего понятия, чем кормят детей ее возраста и теперь судорожно пытаюсь вспомнить, что ели отпрыски моих подруг. Вот от картошки фри они точно никогда не отказывались!

Дина мотает головой.

– Мороженое? Пельмени? Макароны с сыром? Бананы?

Нет, нет, нет и нет.

Вот и мой первый провал на должности няни. Уморя ребенка голодом.

– А хочешь... – я задумываюсь, вспоминаю ее взгляд и тут меня осеняет: – Мой рис?

Подвигаю к ней тарелку с ризотто. К счастью, оно без извращений вроде трюфелей или шафрана. Даже без грибов – просто рис и сыр, но, судя по запаху, очень хорошо приготовленные.

И вдруг... Дина берет ложку, зачерпывает разваренную рисовую кашу и отправляет ее в рот. Алилуйя!

– Значит, ты рис любишь? – спрашиваю я. – Или кашу?

Кивает – не понимаю, на какой из вопросов, но это мы уже выясним позже. Вдруг она вообще предпочитает итальянскую кухню?

Кстати! Где-то я слышала, что для итальянских детей ризотто – вроде нашей манной каши. Такое же «детсадовское» блюдо.

– Вы случайно в Италии не жили? – спрашиваю я Александра и вижу удивление на его лице.

– Откуда вы знаете?

– Пробила по своим каналам! – мстительно отзываюсь я.

– Дина родилась в Милане, и мы жили там, пока ей не исполнился год.

– Ну, конечно, а теперь вы кормите ребенка богомерзкой картошкой фри! – Почти все-рез возмущаюсь. – Любой итальянец был бы возмущен и устроил голодовку!

– Вы серьезно? – осторожно спрашивает Александр, пока его взгляд не отрывается от дочери, наворачивающей мое ризотто так, что за ушами трещит.

– О, господи... – закатываю глаза. – Отдавайте мне теперь вашу лазанью в качестве компенсации. И рассказывайте уже, как вы довели мать этой девочки до жизни такой.

– С чего вы взяли, что я ее довел?

– С хорошими мужьями женщины не спиваются.

Кажется, я зашла слишком далеко в своих предположениях.

Александр резко поднимает на меня взгляд и смотрит так, что я на мгновение пугаюсь, что он меня просто придушит. Или прикажет водителю придушить, зачем такому человеку собственные руки марать. И поеду я в лесополосу в пяти разных черных пакетах. У нас в Питере это традиция.

Зато в «роллс-ройсе».

– Нет, Лара, – медленно говорит Александр, продолжая раскатывать меня своим тяжелым, как «Белаз» взглядом. – Дело не во мне. Это она первая завела любовника.

10

Я бросаю быстрый взгляд на Дину. Может, я и не очень хорошо разбираюсь в воспитании детей, но точно знаю, что ребенку в пять лет еще рановато слушать о любовниках мамы. Несмотря ни на что.

Но она увлеченно лопает ризотто – с большим аппетитом. Еще бы – если судить по словам Александра, она дней десять ничего толком не ела, кроме фруктового пюре. Да и до этого сильно сомневаюсь, что ее нормально кормили.

Про пьянство матери я ляпнула наудачу – все признаки сходятся, но могло быть и другое объяснение. Ан нет, угадала...

Александр придвигает мне свою тарелку с нетронутой лазаньей, а сам сидит, вертит в холеных пальцах вилку, смотрит исподлобья совершенно Дининым взглядом.

В этот момент они очень похожи – отец и дочь. Серьезные, сосредоточенные и где-то глубоко, на самом дне сердца – очень одинокие.

– Со Светой мы познакомились в Италии. У меня там были дела, она отдыхала в гостях у подруги. Она мне сразу понравилась – красивая, ухоженная, легкая...

Александр не поднимает глаз. Ему гораздо интереснее рассматривать вилку, чем обратить внимание на дочь или на меня.

Я из вежливости аккуратно ковыряю сырную корочку лазаньи. Есть хочется страшно, но чавкать под рассказ, который неминуемо приведет к точке, где пятилетняя девочка оказалась в компании с бомжами, как-то некультурно.

– В какой-то момент оказалось, что она беременна. Я не очень планировал семью, но решил, что это судьба. Она красивая и эффектная, я обеспеченный и могу исполнить ее мечту. Она говорила, что очень хочет быть мамой и полностью посвятить себя ребенку вместо работы в салоне красоты.

Я морщу нос. Не люблю, когда мужчины начинают рассказывать, что женщинам только и надо, что найти шею поудобнее и начать рожать детишек.

Но, действительно, почему бы «красивой и эффектной» Светлане, зависающей в Италии с подругой, не мечтать о тихой уютной жизни с мужем и ребенком?

– Она просто обожала Дину, когда была беременна. Много гуляла, смотрела на произведения искусства, чтобы сформировать вкус заранее, ставила классическую музыку. У нас миллион беременных фотосессий в альбомах, даже больше, чем свадебных. Поэтому я так удивился, что Света потеряла интерес к дочери, едва та родилась.

Он замолкает, и я пользуюсь моментом, чтобы отломить кусочек лазаньи и засунуть его в рот. Но в тот момент, когда я только начинаю жевать, Александр режко поднимает на меня взгляд.

– А я – наоборот, – говорит он. – Когда Дина родилась, я был безумно счастлив! Думал – во дурак был, надо было раньше жениться и детей заводить. Сейчас бы уже трое могло быть.

Жену носил на руках, покупал ей все, на что она смотрела дольше трех секунд, заваливал цветами... А потом снял с нее официанта из ближайшего кафе.

Я давлюсь лазаньей.

Предупреждать же надо!

Быстро глотаю непрожеванные куски под тяжелым взглядом Александра, откашливаюсь, чтобы сказать что-нибудь ободряющее, но он продолжает, глядя уже сквозь меня.

– Она падала мне в ноги и умоляла ее простить. Любовь поразила ее в самое сердце, и она не смогла устоять, но она хочет быть только со мной и нашей дочерью, хочет еще детей, хочет быть хорошей матерью. Умоляла спасти от «роковой страсти»... – Александр знакомо морщится, как от зубной боли. – Ну я спас. Привез в Петербург, купил эту квартиру. И тут оказалось, что она беременна! От этого официанта! То есть, они трах...

Он осекается, бросая быстрый взгляд на Дину, которая уже гораздо медленней шевелит ложкой. Наелась.

– То есть, они даже не предохранялись! – скрипнув зубами, смягчает он то, что было готово сорваться с уст. – В этот момент я понял, что не могу больше с ней жить. Оставил ей эту квартиру, сам уехал в Москву, там намечался крупный проект. Они ни в чем не нуждались, я приезжал так часто, как мог, чтобы пообщаться с дочерью. Старался каждую неделю, но не всегда получалось...

– А потом все реже и реже? – понимающе спрашиваю я.

– Да, – он отводит глаза.

– А что стало с ребенком?

– Не знаю. Она его потеряла или сама избавилась. Я не интересовался. Он не родился – вот и все.

Александр наконец откладывает вилку в сторону, а я отодвигаю тарелку. Аппетита больше нет.

История, конечно, банальная. Таких миллион на женских форумах и, я уверена, на мужских тоже. Но когда сталкивается с подобным в жизни – почему-то банальность и то, что до тебя это переживали тысячи других людей, как-то не утешает.

– Когда она начала пить? – тихо спрашиваю я.

– Не знаю, – качает он головой. – Не знаю. Я ничего не замечал, когда приезжал, но я старался с ней поменьше общаться. В клинике сказали, что у нее уже начало третьей стадии. Быстро она не развивается. Значит, пьет годами.

– И пока не позвонили из полиции...

– Я не догадывался, что все так плохо! Примчался на ближайшем «Сапсане», забрал Дину, приезжаем сюда – а тут все еще вечеринка! Светка пьяная в хлам! Она даже не заметила, что Дины нет! Спрашиваю, где дочь – спит! Где спит? Ну, где-то спит. Когда последний раз ее видела? Смотрит на меня мутными глазами и не соображает ничего! Разогнал всех нахрен, напугал Динку...

Он смотрит на дочь, а она отодвигает тарелку, подходит к нему, вскарабкивается на колени и обнимает за шею. Утыкается лицом в рубашку, на ходящей ходуном широкой груди. Александр тяжело дышит, сжимает и разжимает кулак, лежащий на столе. Но другой рукой очень нежно прижимает к себе дочь.

Встаю и начинаю собирать тарелки. Выбрасываю пустые контейнеры и упаковку, ставлю тарелки в посудомойку, убираю свою недоеденную лазанью в холодильник. Там пусто – только россыпью фруктовые пюре, которыми, видимо, и кормили Дину.

– И... где она сейчас? – спрашиваю я у его спины, стоя позади Александра у холодильника.

Широкие плечи напрягаются.

Он глухо отвечает:

– В хорошей клинике. На три недели пока. Там решим.

Фантастическая зарплата в три раза больше моей и без того немаленькой начинает казаться мне недостаточной. Пожалуй, я готова даже заплатить столько же, чтобы это все было не моей проблемой.

– Лара... – говорит Александр. – Я знаю, о чем вы думаете.

– Мммм?

Холодильник начинает пищать, требуя закрыть дверцу, но я почему-то никак не могу ее отпустить, словно захлопнуть ее будет означать окончательное решение.

Александр разворачивается ко мне вместе со стулом.

Дина цепляется за него изо всех сил, словно ее вот-вот заберут и снова бросят у вентиляционной шахты метро, откуда дует теплый воздух с привкусом креозота.

– Лара, пожалуйста, – говорит Александр очень твердым голосом, но где-то внутри этой гранитной твердости я чувствую намек на трещину. – Не бросайте нас. Мы с Диной одни не справимся.

11

Утро – не мое время.

Поэтому сначала я встаю, одеваюсь, чищу зубы, умываюсь, ставлю чайник, завариваю кашу – и только потом просыпаюсь. Обычно где-то к концу каши.

Зимой вообще могу проснуться только в троллейбусе.

Но сегодня все иначе.

Я застываю с зубной щеткой во рту, глядя в глаза своему испуганному отражению в зеркале ванной. Это я правда согласилась на такую авантюру?!

Быть няней у миллионера?

Миллиардера.

Олигарха.

Господи, как его обозвать-то, этого Александра с его «роллс-ройсом»?

Что я маме скажу? Что я Вике скажу?

Как я отвечу на вопросы своих бывших начальников и коллег?

Куда я ушла?

Зачем?

Но вчера, когда суровый Александр на моих глазах чуть не плакал, я не могла поступить иначе. Момент его уязвимости и слабости взломал и мое сердце.

Если так вышло, что только я могу помочь ему и его дочери, то я должна это сделать.

Иначе какой же я человек?

С маленькой Диной случилась настоящая беда.

Вина ее отца в этом тоже есть, но важно не это, а что мы будем делать дальше.

Вместе мы справимся.

Ровно в 8-30 у моего дома останавливается двухцветный «роллс-ройс», и я быстро заглатываю последнюю ложку каши и вылетаю из квартиры, по пути натягивая куртку.

Дверь автомобиля открывается крайне неспешно. Точно так же, как и закрывается. Так же плавно и неторопливо выдвигается подставка для ног. Все внутри сделано для людей, которые никуда не торопятся. У них из-под носа не уходят автобусы, им не нужно бежать вверх по эскалатору и завтракают они наверняка тоже медленно.

Я теперь тоже, можно сказать, влилась в этот круг. Няня – это же практически член семьи. Вроде как и прислуга, но не совсем. Надо учиться этой вот неторопливости богатых людей, чтобы прививать маленькой Дине правильные привычки.

Однако когда я вхожу в уже знакомую квартиру, от моего неторопливого роскошного настроения не остается и следа.

С порога по ушам ударяет визг Дины. В ванной на полную включена вода, извергающаяся в огромную джакузи. На кухне шумит чайник и что-то дымится в кастрюльке на плите. Александр с телефоном, прижатым к плечу и с наполовину завязанным галстуком носится из комнаты в комнату, собирая ворох бумаг в одну стопку, которая на моих глазах рассыпается, покрывая мокрый пол прихожей ровным слоем.

– Что происходит?.. – растерянно спрашиваю я, застывая на пороге, но в ответ на это Дина заходится совсем запредельным ревом.

Вздыхаю, снимаю сапоги и отправляюсь на помощь.

Сначала снимаю кастрюльку с плиты. Судя по пригоревшим остаткам – Александр пытался сварить рисовую кашу. Кто ему мешал заказать из какого-нибудь ресторана?

Чайник выключается сам, а я закрываю все краны.

Ловлю Дину, которая бежит за отцом по пятам и цепляется за его брюки и усаживаю в гостиной перед телевизором.

Понятия не имею, что любят нынешние дети, но, мне кажется, «Маша и медведь» должно подойти. Вручаю ей собственный телефон с включенным мультиком и отправляюсь в прихожую собирать рассыпанные документы.

Александр наконец выключает телефон и останавливается, когда я протягиваю ему стопку бумаг. Он безупречно выбрит, в белоснежной рубашке и пахнет каким-то дорогим парфюмом. Смотрю на его дочь – на голове взрыв на макаронной фабрике, она в пижамных штанах и футболке с пятнами и босиком.

Все ясно с приоритетами у отца.

– Что происходит? – спрашиваю я.

– У вас сегодня встреча с логопедом в двенадцать, с психиатром в три и прием у психолога в пять. Папка со всеми выписками и документами в гостиной на столе. Проследите, чтобы Дина поела хотя бы два раза и погуляла на улице. Вот ключи, охрану я предупредил. – Александр вкладывает в мою ладонь связку ключей. – Вот кредитка, не стесняйтесь, покупайте, что требуется. Вы курите? Курить у нас можно только в специальном месте у ворот, на лестнице нельзя.

– Не курю! – только и успеваю вставить я.

– Прекрасно. Водитель вернется через час, его зовут Карим, отвезет, куда нужно. В семь придет доставка мебели, они сами все занесут, вам нужно только открыть. Я буду после восьми, мой номер у Дины в телефоне, звонить только в самом крайнем случае. Контракт на столе, просмотрите и подпишите, если вас все устраивает.

Не прекращая разговора, Александр поправляет перед зеркалом галстук, надевает ботинки, складывает бумаги в тяжелую кожаную папку и останавливается только в дверях.

Он смотрит на меня своим тяжелым взглядом, ожидая реакции.

Интересно, кто ему гладит эти рубашки по утрам? Неужели сам?

– Все? – спрашивает он. – Вопросы есть?

С трудом подавляю желание отдать честь, ответить бодрое «нет!» и, смахнув пылинку с отворота пиджака, закрыть за ним дверь.

А потом разрыдаться.

Или выпить.

Что-то я начинаю уже понимать его жену...

– Извините, Александр, я бы хотела кое-что уточнить, – начинаю я. – Вы собираетесь оставить меня с Диной одну?

– А в чем проблема? – раздраженно спрашивает он. – Вы ее няня.

Вчерашнее решение, принятое на эмоциях, перестает казаться мне таким уж хорошим.

– В том, что я никогда не занималась детьми. Чем ее кормить? Как утешать? Что делать, если она не слушается? Вы реально не понимаете, что я не педагог и понятия не имею, что делать. Я думала, мы вместе с вами...

– Ну вы же женщина? – требовательно спрашивает Александр, словно у него вдруг появились сомнения.

– Да, а при чем тут это?..

– Вся эта возня с детьми у женщин в крови, разберетесь, – кивает он и открывает дверь. – Всего доброго, Лара.

Дверь захлопывается за ним, и я остаюсь в огромной квартире наедине с пятилетней девочкой.

Она смотрит на меня.

Я на нее.

Она-то ладно, ей после компании бомжей ничего не страшно, а мне что делать?!

Вот тебе и «вместе справимся»...

12

– Начнем с каши! – сообщаю я Дине максимально бодрым голосом.

Она молча смотрит на мои попытки понять, можно ли отмыть кастрюльку от попыток Александра готовить рисовую кашу или проще купить новую.

Со вздохом выбрасываю останки каши вместе с кастрюлей в мусорное ведро и задумываюсь.

Вообще-то я не мастер готовить детскую еду.

Ризотто умею, а рисовую кашу на молоке – нет.

Но ведь никто не мешает мне сделать ризотто, правда? Только без белого вина.

Ставлю на огонь глубокую сковородку и поворачиваюсь к малышке.

Дина стоит растрепанная и смотрит на меня очень и очень серьезно.

– Идем умываться? – предлагаю я. – И косички заплетать?

Мотает головой.

– Умываться не хочешь?

Мотает.

– А кашу хочешь?

Кивает.

Вот и поговорили.

Так. Первый вопрос. Как умыть ребенка, который умываться не хочет?

Вообще-то нормальные матери познают этот дзен постепенно и заодно учатся врать, манипулировать и уговаривать. А нормальные няни учатся в педагогических училищах и там у них наверняка целая лекция посвящена тому, как уговорить упрямую пятилетку с психологической травмой расчесаться.

А если не посвящена, то я тогда вообще не знаю, чему их там учат и зачем.

Вздыхаю.

– Ну тогда покажи мне, где у вас ванная. Где вы с папой зубки чистите?

Смотрит очень серьезно, и мне становится стыдно. Из-за того, что она не говорит, мне все время кажется, что ей гораздо меньше лет, чем на самом деле. А ведь она наверняка уже читать умеет и может в следующем году идти в школу.

– Лала!

Дина бежит к дивану, хватает зайца Ой, и только в компании с ним тащит меня за руку к ванной комнате.

– Ты умеешь читать? – спрашиваю я, включая воду в раковине.

Она серьезно кивает.

– А числа знаешь?

Смотрит на меня, как на идиотку.

– И складывать умеешь?

Очень серьезно кивает.

Ну что ж, не такая уж она и запущенная.

Интересно, какие сейчас требования для поступления в первый класс? Говорят, даже писать нужно уметь. Логарифмы еще не требуют решать?

Когда я шла в школу, нужно было переставать ковыряться в носу по команде и решить задачу про килограмм пуха и килограмм пера. Что тяжелее?

Помню, как смотрела на тетеньку-методиста и думала, чем она предпочла бы получить по голове – подушкой или гантелей?

– Так, я руки помыла, теперь заяц Ой будет мыть лапки, – серьезно сообщаю я Дине и уже тянусь меховыми лапками зайца под струю крана, когда малышка сует под нее свои ладошки, не дав мне замочить мех.

Ну, прекрасно. С шантажом я уже справилась!

Косички будем заплетать под угрозой выкинуть зайца из окна?

К счастью, Дина дает себя расчесать, пока чистит зубы и даже отводит меня к шкафу со своей одеждой, без звука нарядившись в выбранное мной.

Я уже было выдыхаю с облегчением и иду заканчивать с ризотто, но...

Стоило тарелке со странной рисовой кашей – соленой и на воде – оказаться на столе, Дина складывает руки на коленях и насупившись смотрит на меня.

– Не будешь? – обреченно спрашиваю я.

Она мотает головой.

Я поднимаю голову к потолку, готовясь завывать на невидимую сквозь потолок и крышу Луну, но мое намерение прерывает стук в дверь.

Пробежав на цыпочках к глазку, я с облегчением открываю водителю Кариму.

– Вы чего стучитесь? – осуждающе спрашиваю, разглядывая высоченную стопку книг, которую он принес.

Еще несколько штук зажато под мышками.

– Боялся вам помешать, – чуть виновато говорит он.

– Что это?

Он проходит в гостиную и с облегчением сгружает свою ношу на внушительный круглый стол, исцарапанный ножами и закапанный воском. Жертвы, что ли, тут матушка Дины на нем приносила древним богам?

– Александр Владимирович распорядился, – поясняет Карим. – Книги по воспитанию детей для вас. Все полезное.

Александр Владимирович, смотрю, человек широкой души и не мелочится. Если зарплата – то такая, что дыхание перехватывает, если книги по педагогике, то весь отдел в книжном надо скупить. Постараюсь запомнить на будущее, чтобы не вопить «горшочек, не вари».

Некоторые книги мне знакомы – тут и доктор Спок, и Комаровский, и «Не рычите на собаку», и Гиппенрейтер. Про другие даже не слышала.

Как-то внезапно это все.

У беременных есть девять месяцев на подготовку, у будущих учителей – года три в колледже, а я должна, как ленивый студент, за ночь накануне зачета выучить китайский.

– Скажите, Карим... – задумчиво говорю я. – Вы ведь давно работаете в этой семье?

– Извините, я не буду с вами обсуждать Александра Владимировича и его близких, – склоняет голову водитель.

На вид ему ближе к шестидесяти, но седины не видно даже на висках. Еще крепкий южный мужчина с резкими чертами лица. Чем-то похож на своего работодателя.

– Нет, нет, – возражаю я поспешно. – Я не просила сплетничать или рассказывать его секреты. Мне просто хотелось бы знать, какой Дина была раньше, до всего... этого.

Он останавливается на пороге у открытой двери и некоторое время размышляет, уперевшись взглядом в пол.

Потом негромко говорит:

– Я ее недолго знал, ей еще и двух не было, когда мы с Александром Владимировичем в Москву уехали. Веселая озорная девчушка была, болтливая и добрая. Все время мне сладости совала, как видела, даже откусанное печенье могла притащить.

– Понятно... – говорю я, задумчиво глядя на Дину, которая уговаривает зайца Ой съесть невкусную кашу, тыкая ложкой ему в морду и мотая его головой вместо него.

– Но вы же понимаете, характер детей с возрастом меняется, – пытается то ли утешить, то ли поучить меня жизни Карим.

– В половину двенадцатого нам быть готовыми? – перевожу я тему.

– Да, – понимающе кивает он и делает шаг за порог. – Буду вас ждать внизу.

Возвращаюсь к столу, где Дина смотрит на меня с ожиданием, а заяц Ой – с отвращением на испачканной кашей морде – и меня озаряет.

– По утрам я очень туго соображаю, – сообщаю я Дине, щедро посыпая свою пародию на ризотто тертым сыром. – А ты могла бы подсказать, а не только мордочку воротить!

Вот теперь, когда сыра чуть ли не столько же, сколько риса, она с удовольствием берется на ложку и даже не делится с зайцем. Добрая девочка, говорите?

На улицу мы собираемся без капризом, хотя в лифте Дина прижимается ко мне всем телом и вздрагивает, когда он останавливается на первом этаже. Но в машину забирается с удовольствием и в кабинет к врачу заходит с любопытством.

Логопед едва кивает мне и по окончании приема сообщает:

– Вы ведь няня? Я отошлю все выводы и заключения ее отцу.

На обратном пути ломаю голову, чем кормить Дину на обед. Снова проверить фокус с ризотто? Попробовать остальную итальянскую кухню? Сварить какой-нибудь суп самой? Заказать в доставке?

И не замечаю поначалу, что на светофоре Дине прилипает к окну.

Но она начинает стучать в него, и я оборачиваюсь.

– Папа! – кричит она, продолжая барабанить так, что я боюсь, что она сейчас разобьет стекло. – Папа-а-а-а!

Автомобиль трогается, и Дина просто сходит с ума – она рвет ремень безопасности, визжит и колотится в дверь, как ненормальная.

– Остановите! – бросаю я Кариму и помогаю ей выбраться из кресла.

Поскальзываясь на нечищенном тротуаре в снежной каше, Дина бежит назад и со всей дури врзается в... Александра.

Который стоит на улице у неприметного ресторана в компании еще двух мужчин и весьма элегантной женщины с длинными темными волосами.

При виде меня с Диной она придвигается к нему ближе и берет под локоть, окидывая нас ревнивым взглядом. Причем я не уверена, кому достается больше этой отчетливо ядовитой ревности.

Александр/1

Когда я вижу Динку, несущуюся ко мне прямо по лужам, не разбирая дороги, впервые за день тупое раздражение, стреляющее головной болью в затылок, отступает.

Она протягивает ко мне руки, и я с радостью подхватываю ее, как когда-то в раннем детстве, когда она весила килограмм на десять поменьше.

– Папа! – визжит она мне на ухо, и я, несмотря на необратимые повреждения барабанных перепонки, рад это слышать так же, как в первый раз, когда она была еще совсем крошечной.

– Динка... – выдыхаю в облако кудряшек, которые щекочут нос и лезут в глаза.

Потерплю.

По сравнению с тем, что я тебя чуть не потерял – это такая ерунда.

Сначала чуть не потерял из-за своей глупости, а потом... Тоже из-за своей глупости.

Нельзя было отказываться от нее, нельзя. Слушать окружающих, верить в то, что с матерью всегда лучше, что отцы не привязываются к детям, что я скоро перестану по ней скучать и главное – что я обеспечиваю ей нормальную жизнь, а мое присутствие станет важным, когда она подрастет.

Чушь. Чушь. Чушь.

Она при рождении заняла сразу половину моего сердца – и это не изменилось за прошедшие годы. Оно с тех пор так и бьется – неровно, неловко, стараясь не побеспокоить мою дочь, спящую во второй половине. И останавливается, когда с ней что-то случается.

Оно вообще не билось шесть часов, пока я добирался до Петербурга и отделения полиции, где она ждала меня. Только меня. Потому что эта маленькая заноза больше никому на свете не нужна. Светка может родить себе еще одну дочь, так она мне и сказала – заведу, мол, другого ребенка, которого ты отнять не сможешь.

Мне все равно.

Лишь бы с Диной больше ничего не случилось.

– Это твоя дочь? – слышу голос Илоны.

Нет, конечно, просто решил пообниматься с посторонней пятилеткой – шипит мне на ухо разом вернувшееся раздражение.

– Да, – говорю я, опуская Динку на ступеньки, где нет снега и даже расстелен порядком уже изгвазданный красный ковер. – Это Дина, познакомься.

Но дочь отворачивается, прячась от слишком громкого голоса Илоны.

Я ведь предупредил ее!

– А это твоя хваленая супер-няня? – голос моей бывшей подруги становится еще громче и в него добавляются неприятные нотки превосходства. – Не так уж она и хороша, если не может справиться с ребенком и отвлекает тебя от работы!

Смотрю на Лару, которая подходит к Дине и натягивает на нее забытую в машине шапочку.

Илона спинным мозгом, конечно, чувствует, кого можно цеплять, а кого нет. Была бы тут моя бывшая жена – от нее бы одни клочки остались, а эхо скандала еще двести лет отражалось бы от стен.

Лара, конечно, слишком интеллигентна для того, чтобы дать отпор моей бывшей. Вот я и вспомнил, почему так на Илоне и не женился, когда мы встречались еще до Италии. Черт с ним, с тем, что она не любила детей – я тогда тоже их не хотел. Но как она обращалась с «прислугой»... Так она называла всех людей, которым прямо или косвенно платила деньги.

От дворников до губернаторов, и от бухгалтеров до подрядчиков.

Конечно, когда она так обращается к губернатору целой немаленькой области – это забавно.

И спасает ее только тщательно ухоженная мордашка и ноги от ушей.

А вот сейчас совсем не забавно.

Но конфликт мне совсем не нужен, Илона еще пригодится.

– Пойдемте тогда вместе пообедаем? – предлагаю я. – У нас как раз перерыв, а здесь неплохая итальянская кухня, Дина точно оценит.

– Конечно, – кивает Лара. – Сейчас только Карима предупрежу.

Для Дины мгновенно притаскивают специальную подушечку и предлагают усадить ее зайца, которого она не выпускает из объятий, на стульчик для малышей. Она с важным видом кивает.

Не зря я всегда любил это место.

Лара ловит официанта и что-то ему вполголоса объясняет.

– Можно не тащить эту грязную игрушку за стол? – снова на максимальной громкости интересуется Илона. – Тут люди едят, а не свиньи!

Прежде, чем я успеваю открыть рот, Лара разворачивается к ней и с ледяной улыбкой отбрасывает:

– Заяц Ой приглашен на обед Диной. Не думаю, что это вежливо – выгонять из-за стола чужих гостей.

А глаза у нее при это злые-злые. Она даже на меня так не смотрела, хотя у нас сразу не задалось с контактом.

Дальнейшие разборки стихают сами собой, потому что нам уже приносят еду. Динину тарелку не видно под горой тертого пармезана, и Лара одобрительно кивает официанту. Я решаю не вмешиваться, тем более, что дочь, к моему невероятному изумлению, бодро ест несколько тефтелек и даже пару ложек тушеных овощей. Под пармезаном, конечно, но ест!

Браво чудо-няне!

Решение все-таки найти эту загадочную «Лалу» полностью себя оправдало.

За едой мои партнеры вдруг вспоминают байки тех лет, когда я еще жил и работал в Петербурге и начинают наперебой напоминать мне о делах давно минувших дней. Илона залившись смеется, а Лара прислушивается, но не комментирует.

– Большое спасибо за приглашение, – говорит она, когда Дина вручает ей вилку, показывая этим, что больше есть не собирается. – Нам пора. Мы хотели еще немного отдохнуть перед визитом к психологу.

– Ой, большинство психологов просто наживается на том, что сейчас все пляшут вокруг ребенка, – сообщает Илона, хотя ее никто не спрашивал. – Современные дети просто чувствуют слабость взрослых и пользуются этим. Надо просто не...

Лара не дослушивает очередную педагогическую мудрость, резко вставая из-за стола.

– Хорошо, – говорит она. – Пойду тогда нарежу веток и отлуплю ее розгами, вдруг поможет!

Мы встречаемся с ней взглядами, и в ее глазах я вижу вызов.

Нет, я не ошибся с няней. Эта сможет защитить мою дочь.

13

Ближе к восьми вечера Дина начинает клевать носом. Я могла ее понять – самой хотелось прикорнуть на мягком диване в гостиной и под уютный шелест дождя за окном немножко подремать. День выдался суматошным – три врача, обед с Александром и его знакомыми и еще прогулка в парке у больницы, где принимал последний специалист.

Мы обе просто валились с ног.

Но уложить девочку спать без чистки зубов и мытья казалось неправильным. Только как ее купать? Вообще-то я Дине совершенно посторонняя женщина без всяких навыков обращения с детьми.

В интернете ответа на вопрос, в каком возрасте дети уже моются самостоятельно, ответа не нашлось. Туманные рассуждения о том, что к школе они должны это уже уметь, мне никак не помогли. Но кто-то же отмывал Дину после тусовки с бомжами? Не сам же Александр?

Поворот ключа в замке раздается в половину девятого.

К тому времени я уже успеваю немного побухтеть на тему занятых бизнесменов, которые не страдают от пунктуальности. Вероятно, потому что слишком заняты со своими стервозными любовницами. Но на самом деле я даже не сержусь.

Мимолетная искра взаимопонимания, проскочившая между нами во время обеда, за день успела разгореться в теплую симпатию. Ну да, Александр совершенно не умеет выбирать женщин, судя по его жене и любовнице. Но с богатыми мужиками это случается сплошь и рядом – им в первую очередь нужен красивый аксессуар, а не хороший человек.

А сам он нормальный. Сработаемся.

Он заходит в квартиру и сразу же в прихожей снимает пиджак и галстук, расстегивает манжеты на рубашке и закатывает рукава. Мельком кивает мне, проходя в гостиную и сразу идет к Дине, которая смотрит мультики. Она быстренько обнимает папу, но тут же отталкивает его и отодвигает в сторону, чтобы не загораживал экран.

– Что сказал психиатр? – поворачивается Александр ко мне.

– Сказал, что пришлет все рекомендации вам на почту, потому что я ребенку никто, – отчитываюсь я. – Логопед готов работать, но после получения рекомендаций психиатра.

– Психолог? – Александр распахивает холодильник и задумчиво смотрит на одинокую кастрюльку внутри.

Вытаскивает ее, открывает крышку и изучает рисовую кашу на молоке, которую мы с Диной сварили совместными усилиями. Получилось вкусно, особенно с грушевым джемом.

– А мне ничего нет? – оборачивается он ко мне.

– Извините, Александр, готовить вам не входит в мои обязанности, – развожу я руками. – Кстати, договор я прочитала и подписала.

– Понял, – вздыхает он, принохиваясь к каше. – А можно я это съем? Нет сил ждать доставку.

Когда у тебя так жалобно просит покушать кашку огромный brutальный мужик с жестким взглядом, сил отказаться нет никаких.

И я вздыхаю:

– Можно. Ешьте. Завтра новую сварю. Да погодите, сейчас погрею!

Вырываю у Александра кастрюльку, причем отпускает он ее не сразу, и перекладываю кашу в тарелку, чтобы поставить в микроволновку.

– Так что психолог сказал? – спрашивает он.

– А! – спохватываюсь я. – Психолог единственный, кто со мной поговорил! Сначала с Диной полчаса, потом меня позвала. Я рассказала все про нашу ситуацию...

– Зачем?

Александр не дожидается последних трех секунд работы микроволновки и начинает есть кашу раньше, чем садится за стол.

– Ну, – я киваю на стол, где лежат документы. – NDA я не подписывала. Кстати, это вы зря. Информация, которую я могу получить в вашем доме, способна серьезно вам навредить.

– Я вам доверяю, Лара, – с набитым ртом комментирует Александр.

– Ну тогда доверяйте до конца! – фыркаю я. – Психологу нужно понимать, что у нас происходит. В общем, она сказала, что я со своей стороны могу только любить Дину, остальным займутся специалисты. Это ей нужнее всего.

– Полностью согласен, – кивает мой работодатель. Он только что обнаружил на столе джем и додумался добавить его в кашу.

– Я понятия не имею, как это делать!

– У вас есть книги.

– В книгах не написано, как любить детей. Только как воспитывать. А я вообще еще не думала о детях!

– Почему, Лара?

Оборачиваюсь на Дину.

Она устроилась среди подушек, обняв моего зайца, и смотрит «Машу и медведя». Это единственное, что мне пришло в голову ей включить. Мои познания в мультиках остановились на «Телепузиках» и «Смешариках». Но от «Смешариков» она отказалась. Какой у нее любимый мульт, тоже выяснить не удалось – Дина просто смотрела на меня и улыбалась.

Я спросила у психолога, когда она заговорит.

Но та ничем не смогла мне помочь.

Скоро. Или никогда.

– Александр, это нетактичный вопрос, вы в курсе? – вздыхаю я.

– Я уже говорил, – он доскребаёт последнюю ложку каши и, похоже, жалеет, что ему не по статусу вылизать тарелку. – Мне надо понимать, чего от вас ждать.

– Детей у меня нет, потому что у меня нет мужа. А почему его у меня нет, вы уже спрашивали. Чай будете?

– Буду.

Я отхожу, чтобы включить чайник. В шкафу я нашла шарики из марципана и сушки в старинной вазочке, расписанной золотыми цветами. Она мне кажется ровесницей этого дома, а в нем, как я прочитала на стендах во дворе, селились музыканты Придворного оркестра. Может быть, вазочка принадлежала кому-нибудь из них. Или одному из писателей, поселившихся тут после революции. А может, жена Александра нашла вазочку где-нибудь на аукционе и купила за бешеные деньги. У таких вещей обычно весьма причудливая история.

– Я помню, что это не мое дело, Лара, – говорит Александр мне в спину, пока я вожусь с чайными пакетиками. – Но вы привлекательная женщина, и мне правда непонятно, что не сложилось? У вас какая-то травма? Хотите я и вам оплачу психотерапию?

На «привлекательной женщине» я не могу сдержать улыбки.
Разливаю кипяток по чашкам и разворачиваюсь к столу.

– Если я выйду замуж, кто же будет няней для Дины? – спрашиваю я, придвигая к нему чашку.

– Действительно... – Александр задумывается. – Но терапия – процесс долгий и нелегкий, за три месяца не успеете.

– Вот видите, – говорю я. – Сами признаете, что нелегкий.

Он хмурится. Отпивает чай.

– Но... – начинает он, а я прикладываю палец к губам и киваю на диван в гостиной.

Дина так и заснула – перед экраном, подложив вместо подушки под голову зайца.

– Исккупаться не успели, – говорю я шепотом. – Простите.

– Ничего, – Александр встает, бесшумно отодвигая стул и идет к дивану. – Еще ни один ребенок не умер от нечищенных зубов и немытых пяток.

– Не хотелось бы стать первым известным случаем.

Он бросает на меня упрекающий взгляд и подхватывает дочь на руки.

Следую за ним в детскую на цыпочках.

Он укладывает Дину в кровать, благо я успела переодеть ее в домашнюю пижаму, и накрывает одеялом. Прикручивает свет ночника до полутьмы.

Я кладу зайца Ой ей под бок и тоже накрываю его одеялом.

Александр стоит над кроватью дочери еще минуту или две, и я решаю оставить его одного. Но он оборачивается ко мне. Его глаза в полумраке кажутся почти черными и блестят.

– Лара, – говорит он вполголоса, глядя мне прямо в глаза. – Скажите честно – вы не любите мужчин?

– Нет, Александр, – я усмехаюсь. – Наоборот. Это они меня не любят.

– Но почему?

Смотрю на него и не знаю, что ответить. Неужели он сам не понимает?

14

На цыпочках отступаю от кровати Дины и маню Александра из комнаты.

– Откуда мне знать? – говорю вполголоса уже в коридоре. – Никогда не нравилась мужчинам. Почему – это у них надо спрашивать.

Мои дела здесь закончены, поэтому иду собирать сумку.

– Полагаю, вы спрашивали?

Александр стоит в узком коридоре между гостиной и «моей» комнатой и я в суете сборов вынуждена постоянно мимо него протискиваться. Но не скажешь же хозяину дома отойти с дороги.

– Спрашивала.

– И что вам ответили?

Останавливаюсь в прихожей и кладу сумку на полку под зеркалом.

Усмехаюсь и цитирую:

– «Ты, конечно, симпатичная, но не в моем вкусе, Ларис», – на весу начинаю надевать ботильоны. – Ни в чьем вкусе. Так уж вышло.

Не люблю обсуждать эту тему, зато в большинстве случаев мой ответ надолго ее закрывает. Не работает с родственниками – они продолжают требовать замуж и детей. Но с остальными помогает.

– Довольно странно, – хмыкает Александр, перемещаясь в прихожую и включая свет. – Вы ведь симпатичная.

Он смотрит на меня так, словно и правда произвел тщательную оценку параметров.

– Просто не в вашем вкусе? – вновь усмехаюсь я.

Он мешкает, и эта пауза говорит мне все, что требуется знать.

– Вот об этом я и говорю, – срываю с вешалки куртку и понимаю, что меня все-таки задела его реакция. Что он хотя бы из вежливости не сказал, что я привлекательная.

Александр шагает ко мне, забирая куртку из рук и разворачивает ее так, чтобы помочь мне надеть.

– Вам всего двадцать восемь, – его низкий голос над самым ухом заставляет ежиться от мурашек. – Рано еще отчаиваться.

Вдеваю руку во второй рукав и поспешно застегиваю молнию, чуть не прищемляя кожу на голом горле. Забыла платок. Снова расстегиваю и наматываю платок вокруг шеи, избегая

взгляда мужчины, стоящего рядом. Я так давно отчаялась, что уже перестала смущаться в присутствии других мужчин. Но Александр умудрился пробить мою защиту.

– Думаю, в самый раз, – говорю я и усилием воли поднимаю на него глаза. – Если до этого момента ничего не получилось, вряд ли уже сложится. Так что, не волнуйтесь – замуж я внезапно не выйду. И никаких тайных пороков у меня нет. Просто я не привлекаю мужчин. Во все времена были такие женщины. Они становились компаньонками, приживалками, уходили в монастырь. Сейчас можно заняться чем-нибудь поинтереснее.

Его взгляд непроницаем. Он не смущается, как большинство мужчин, когда я им это говорю. Они как будто считают себя обязанными проявить ко мне внимание, но при этом не испытывают никакого желания. Наблюдать за этой внутренней борьбой всегда неловко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.